

Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 3. С. 507–534.

Ars Administrandi. 2026. Vol. 18, no. 3, pp. 507–534.

Эта работа © 2026 Грабевника М. В., Сулимова К. А. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

This work © 2026 by Grabevnik, M. V. and Sulimov, K. A. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Научная статья

УДК 325.14(314.7)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-507-534>

МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: ВАРИАЦИИ И ФАКТОРЫ

Михаил Владимирович Грабевник¹✉, Константин Андреевич Сулимов²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ mikhailgrabevnik@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3321-7519>

² k.sulimov@psu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-3135>

Аннотация. Введение: в статье представлены результаты анализа вариативности моделей политики адаптации, реализуемых региональными университетами в отношении иностранных студентов. **Цель:** определение и фиксация типичных моделей политики адаптации, а также оценка значимости различных характеристик университетов как факторов такой вариативности. **Методы:** сравнительный анализ (large-N). Выборочную совокупность составили 52 региональных университета из 17 субъектов Российской Федерации. Для анализа была сформирована база данных, состоящая из трех блоков переменных: структурные/ресурсные характеристики вузов, система управления международной деятельностью, распределение реализуемых в университетах практик адаптации по сферам адаптации. Эмпирическую базу исследования составили открытые данные официальных сайтов университетов, данные Минобрнауки России, официального мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, Центра институционального анализа науки и образования, а также материалы информационной системы «Медialogия». В качестве методов анализа данных использованы дескриптивная статистика, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), кластерный статистический анализ (по методике k-means), дисперсионный статистический анализ (Analysis of Variance, ANOVA) и анализ связи непараметрических переменных (по методике хи-квадрат). **Результаты:** кластерный статистический анализ позволил зафиксировать значительную вариативность политики адаптации иностранных студентов в региональных российских университетах и выделить пять эмпирически наблюдаемых моделей: языковую, социокультурную, сбалансированную, образовательную и бытовую. Тестирование характеристик университетов в качестве факторов вариации моделей политики адаптации показало неоднозначные результаты. С одной стороны, специализация университетов (классические, технические, педагогические, медицинские) и их структурные и ресурсные характеристики (финансы, контингент, инфраструктура) статистически значимо связаны с имплементируемыми моделями политики адаптации. С другой стороны, системы управления международной деятельностью в региональных университетах не являются значимыми предикторами обнаруженной вариации моделей политики адаптации. **Выводы:** результаты исследования позволяют сформировать теоретическую модель: профиль университетов

и ресурсные характеристики непосредственно связаны с политикой адаптации иностранных студентов, тогда как централизованная политика интернационализации и система управления влияют на нее опосредованно – через стратегические документы и целевые показатели эффективности.

Ключевые слова: адаптация, политика адаптации, иностранные студенты, иностранцы, университеты, региональные университеты, интернационализация

Благодарности: исследование выполнено за счет средств субсидии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Политика в области развития современного социально-гуманитарного знания» (№ 2025-306/2-2).

Для цитирования: Грабевник М. В., Сулимов К. А. Модели политики адаптации иностранных студентов в региональных российских университетах: вариации и факторы // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 3. С. 507–534. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-507-534>.

Original article

ADAPTATION POLICY MODELS FOR FOREIGN STUDENTS IN REGIONAL RUSSIAN UNIVERSITIES: VARIATIONS AND FACTORS

Mikhail V. Grabevnik¹✉, Konstantin A. Sulimov²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ mikhailgrabevnik@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3321-7519>

² k.sulimov@psu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-3135>

Abstract. Introduction: the article presents the results of an analysis of the variance in foreign students' adaptation policy models implemented by regional universities in the Russian Federation. **Objectives:** to identify typical models of adaptation policy implemented by regional universities, and to assess the significance of university characteristics as factors of variation in adaptation policy models. **Methods:** the main analytical method is comparative analysis (large-N). The sample included 52 regional universities from 17 regions of the Russian Federation. A dataset of regional universities was collected, consisting of three blocks of variables (structural/resource characteristics of universities, international affairs management systems, and the distribution of adaptation practices implemented in universities by adaptation areas). The empirical basis of the study comprises open data from the official university websites, data from the Ministry of Education and Science, the official monitoring of higher education institution performance, the Center for Institutional Analysis of Science and Education, as well as materials from the "Medialogia" information system. The following methods of data analysis were used: descriptive statistics, Pearson's correlation, K-means cluster analysis, ANOVA tests, and Chi-Square statistics. **Results:** the results of a cluster statistical analysis revealed significant variability in adaptation policies at regional Russian universities and identified five empirically distinct models: linguistic, sociocultural, balanced, educational, and domestic. Testing university characteristics as factors of variation in adaptation policy models produced mixed results. On the one hand, university specialization (classical, technical, pedagogical, medical), as well as structural and resource characteristics (finances, student contingent, infrastructure), were statistically significantly associated with the implemented adaptation policy models. On the other hand,

the international affairs management systems at regional universities were not significant predictors of the identified variation in international student adaptation policy models. **Conclusions:** the results of the research allow us to construct a theoretical model: university profiles and resource characteristics directly influence international student adaptation policies, while centralized internationalization policies and management systems influence them indirectly through strategic documents and performance targets.

Keywords: adaptation, adaptation policy, foreign students, foreigners, universities, regional universities, internationalization

Acknowledgements: the study was carried out with financial support from Perm State University, received as a result of a competition of scientific, educational, innovative, implementation, and educational projects on "Policy in the field of contemporary social and humanitarian knowledge development" (no. 2025-306/2-2).

Forcitation: Grabevnik, M. V. and Sulimov, K. A. (2026), "Adaptation policy models for foreign students in regional Russian universities: Variations and factors", *Ars Administrandi*, vol. 18, no. 3, pp. 507–534, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-507-534>.

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е годы привлечение иностранных студентов утвердилось в качестве одного из приоритетов в развитии высшего образования Российской Федерации, а позднее экспорт образования был институционализирован как значимый элемент социально-экономической стратегии развития страны (Акрамов и Блиничкина, 2023). Сам процесс наращивания привлечения иностранных студентов начался значительно раньше, еще в советский период, но в 2019 году показатель в 300 тыс. иностранных учащихся уже втроекратно превышал объемы прежних лет¹. Однако масштаб текущих задач беспрецедентен: к 2030 году стоит цель нарастить его до 500 тыс.² и войти в пятерку мировых лидеров по этому показателю (Кашина и др., 2026). Такой курс привел к ощутимым количественным сдвигам: за последние пять лет контингент учащихся из стран дальнего зарубежья, в частности из Китая, Индии, Египта и Ирана, вырос кратно (Погорельская и Дериглазова, 2024). К 2024 году совокупная численность иностранных студентов в российских вузах достигла 376 тыс. человек, составив 8,5 % от общего числа учащихся³.

Однако достижение столь амбициозных целей требует от университетов усилий не только по набору студентов, но и по решению не менее острой

¹ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва науки и высш. образования Рос. Федерации. 2022. 19 янв. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 14.10.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <https://base.garant.ru/408992634/> (дата обращения: 14.10.2025).

³ Ивахнюк И. Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] // Сайт Рос. совета по междунар. делам. 2025. 3 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/obrazovatel'naya-migratsiya-v-rossiyu-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/?ysclid=mqer8o2wkq40399545> (дата обращения: 10.10.2025).

проблемы – их адаптации к образовательной среде и жизни в России в целом (Амбарова и др., 2022). Несмотря на то, что адаптационная повестка редко находится в фокусе стратегического внимания и часто воспринимается как второстепенная задача по сравнению с самим фактом присутствия иностранных учащихся, университеты все же уделяют ей внимание. Это проявляется, в частности, в том, что в активно разрабатываемых и обновляемых программах развития регулярно артикулируется необходимость адаптационных мероприятий и формулируется соответствующая политика. При этом, поскольку подобная политика эксплицитно прописывается далеко не всеми вузами, а степень их включенности в процессы интернационализации существенно различается (различаются исторические предпосылки и траектории, текущая доля иностранного контингента, страновая конфигурация групп студентов и ресурсы) (Shenderova et al., 2026), можно ожидать, что и конкретные практики адаптации и модели политики адаптации в российских университетах будут демонстрировать значительную вариативность.

Соответственно, представленное в настоящей статье исследование выполняет две задачи, реализуемые в два аналитических шага. Во-первых, *эмпирическая идентификация и содержательное описание типичных моделей адаптационной политики региональных университетов в отношении иностранных студентов посредством кластерного анализа распределения практик по сферам адаптации*. Во-вторых, *статистическая оценка связи между выявленными моделями политики адаптации и характеристиками университетов (специализация, ресурсные параметры и система управления международной деятельностью) с использованием дисперсионного анализа и критерия хи-квадрат*.

Статья структурирована следующим образом. Сначала представлена теоретическая модель исследования: дана концептуализация понятий адаптации и модели адаптации, представлены характеристики университетов в качестве факторов, обозначены возможные/вероятные связи между характеристиками и моделями. Далее представлена характеристика выборочной совокупности, эмпирической базы и методов исследования. В основной части описана вариация моделей политики адаптации в российских университетах (по результатам кластерного анализа), а также оценка значимости характеристик университетов в качестве предикторов такой вариации (по результатам ряда статистических тестов). В заключительной части представлена интерпретация результатов и описание эмпирически наблюдаемой модели.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существующий спектр теорий адаптации иностранных мигрантов довольно широк, и они по-разному представляют структуру (измерения) адаптации (Данилова, 2025). В немецкой традиции обычно выделяют четыре измерения: структурное, культурное, социальное, идентификационное (Esser, 2004; Bosswick and Heckmann, 2007). Авторы нидерландской традиции предпочитают три основные сферы: политико-правовую, социально-экономическую

и культурную адаптации⁴ (Penninx, 2005). Наиболее популярные индексы интеграции мигрантов (например, но не исключительно – National Integration Evaluation Mechanism (NIEM), Migrant Integration Policy Index (MIPEX)) декомпозируют адаптацию на более детальные индикаторы, но в целом построены на схожих измерениях (политическое/правовое, экономическое, социально-культурное, языковое).

Обозначенные исследовательские подходы обычно ориентированы на изучение процессов адаптации иностранных мигрантов в целом, без отдельного фокуса на образовательных мигрантах. Между тем адаптация иностранных студентов протекает в особенном контексте, а потому могут быть аналитически выделены дополнительные адаптационные измерения. Поскольку устоявшегося понимания измерений адаптации иностранных студентов в российской академической литературе не наблюдается, авторами были выделены семь сфер адаптации в университетах: языковая (изучение русского языка как иностранного), образовательная (поддержка в рамках образовательного процесса), социокультурная (мероприятия, направленные на знакомство с культурами, традициями и обычаями мигрантских и принимающих сообществ), психологическая (психологическая поддержка и консультирование), бытовая (вопросы размещения, организации питания, медицинского сопровождения), институциональная (создание институтов и формальных структур – центров адаптации, ассоциаций, институтов самоуправления), административная/сервисная (документооборот, информационное сопровождение, миграционные вопросы и др.). Измерения/сферы адаптации были выделены на основе синтеза нескольких теорий адаптации мигрантов (Esser, 2006; de Haas et al., 2020), а также посредством первичного анализа собранных эмпирических данных.

Выше отмечалось, что адаптация нередко воспринимается как второстепенная задача по сравнению с самим присутствием иностранных студентов, и все же университеты не обходят ее вниманием. В стратегических документах – программах развития, которые вузы активно разрабатывают и регулярно пересматривают, – может указываться на необходимость адаптации и формулируются, пусть зачастую пунктирно и фрагментарно, политика и меры по ее реализации (такие положения зафиксированы в программах примерно половины университетов, попавших в выборку настоящего исследования). Однако эксплицитная артикуляция адаптационной политики характерна далеко не для всех университетов, а сами вузы существенно различаются по степени включенности в процессы интернационализации. Эмпирические исследования подтверждают гетерогенность российского вузовского сектора как в сфере международной деятельности (Меликян, 2016), так и в более широком поле (Меликян, 2021). Разная интенсивность и траектории интернационализации, разное количество иностранных студентов, различные исторические пути формирования текущего контингента и неодинаковые конфигурации групп учащихся по странам происхождения – все это дает основания

⁴ Entzinger H., Biezeveld R. Benchmarking in immigrant integration. Report for the European Commission. Rotterdam: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2003. 53 p.

ожидать, что и конкретные практики адаптации иностранных студентов в российских вузах будут демонстрировать значительную вариативность.

Соответственно, в каждом университете можно ожидать специфического сочетания практик из разных выделенных сфер. Конкретная конфигурация практик (модель), сложившаяся в вузе, может рассматриваться как эмпирическое проявление его политики адаптации иностранных студентов. Такая политика может быть сформулирована централизованно и исходить из единого центра (руководства университета), но может выступать и результатом коллективных и/или распределенных усилий множества акторов внутри университета либо представлять собой сочетание централизованных и децентрализованных механизмов. Таким образом, под *практикой адаптации* мы понимаем конкретное институциональное действие или мероприятие, направленное на сопровождение иностранного студента. *Сфера адаптации* – это тематическое направление таких практик (языковая, бытовая, образовательная и др.). *Политика адаптации* – это общий курс университета в сфере сопровождения иностранных учащихся, который может быть как формализованным, так и неформальным. Наконец, *модель политики адаптации* – это эмпирически наблюдаемая, устойчивая конфигурация (паттерн) распределения адаптационных практик по сферам, специфичная для конкретного университета или группы вузов.

Теоретически на политику адаптации могут влиять три группы факторов. Первая группа – *система управления международной деятельностью* в университете. Имеются в виду организационная структура и иерархия подчинения: наличие и уровень специальных подразделений, отвечающих за международную деятельность; наличие профильного проректора и его специализация; существование подготовительных отделений и специальных факультетов для иностранных студентов. Значимость управленческих характеристик для результатов деятельности вузов подтверждается рядом исследований. В частности, показано, что качество внутреннего менеджмента и лидерства выступает важным фактором эффективности, причем перспективы развития университета во многом связываются именно с руководством (Губа и Кучаков, 2025). Эмпирически доказано, например, что немалое значение имеет степень реальной автономии в административной деятельности (в сфере кадровой политики функциональная автономия является устойчивым фактором эффективности в российских университетах) (Agasisti et al., 2022; Agasisti et al., 2025). Применительно к сфере международной деятельности можно ожидать, что наличие специализированных и автономных структур, целенаправленно занимающихся иностранными студентами, расширяет институциональные возможности для проведения последовательной адаптационной политики. Так, наличие подготовительного отделения для иностранных студентов, реализующего программы русского языка как иностранного, повышает вероятность интенсификации адаптационных практик языковой сферы.

Вторая группа – *ресурсные характеристики университетов*. Высшим учебным заведениям, как и другим организациям и институциям, свойственно

преобразовывать наличные ресурсы в результаты деятельности и повышать производительность таких процессов (Егоров и Максимова, 2021). В качестве результатов могут рассматриваться, например, численность студентов или публикационная активность, а в качестве ресурсов – контингент, доходы вуза, средний балл ЕГЭ и другие показатели. Исследования показывают, что учет ресурсной базы делает оценку эффективности более детализированной и позволяет выделять кластеры вузов, различающихся соотношением результативности и эффективности (Егоров, 2020). Ключевыми ресурсными параметрами, потенциально влияющими на политику адаптации, выступают общие доходы университета, его размер (контингент студентов, численность сотрудников), масштаб материально-технической базы. Большой объем ресурсов создает возможности для финансирования адаптационных программ, содержания специализированных служб, организации мероприятий и бытового обустройства иностранных студентов. Напротив, жесткие ресурсные ограничения обуславливают минималистский, фрагментарный характер адаптационной политики.

Третья группа – *специализация (профиль) университета*. Профиль вуза задает особенности учебных программ и научной деятельности, а также во многом определяет структуру контингента иностранных студентов и сложившиеся каналы их привлечения, что, в свою очередь, формирует разные запросы к адаптации. Само различие вузов по специализации имеет долгую историю и, несмотря на некоторую деградацию и размывание различий в постсоветское время (Кузьминов и др., 2013), может сохранять значимость. Медицинские университеты, по крайней мере часть из них, исторически имеют высокий процент иностранных студентов (особенно из стран Азии и Ближнего Востока) и накопили многолетний опыт языковой, бытовой и социокультурной адаптации, что может способствовать институционализации соответствующих практик. Технические (политехнические) вузы нередко ориентированы на студентов из стран СНГ и Азии, а специфика инженерного образования выдвигает особые требования к адаптационным практикам. Классические университеты, обладая широким спектром направлений подготовки, обычно имеют более разнородный иностранный контингент и вынуждены комбинировать различные адаптационные меры. Педагогические университеты в большей степени нацелены на подготовку кадров для образовательных систем, что формирует особые требования к культурной и языковой адаптации. Значимость профиля как структурного фактора косвенно подтверждается и тем, что ведомственная принадлежность университета (которая часто коррелирует с профилем) является одним из наиболее влиятельных факторов эффективности его деятельности (Зинченко и Егоров, 2019). Кроме того, в литературе подчеркивается, что существуют структурные условия, на которые вуз не способен влиять, но которые во многом определяют его возможности (Губа и Кучаков, 2025). В качестве одного из таких условий может рассматриваться отраслевая специализация, закрепленная исторически и институционально.

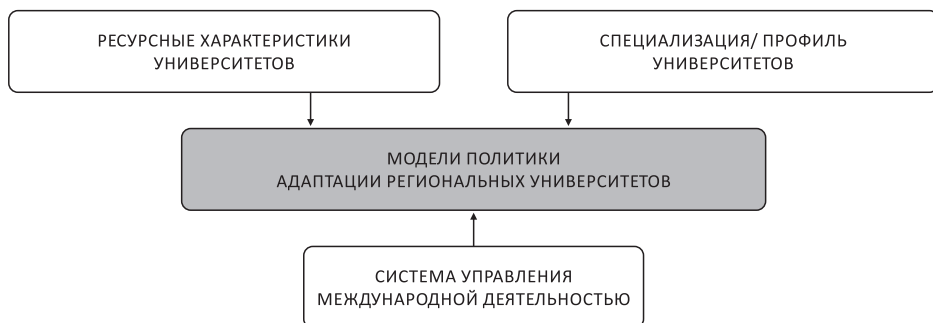

Рис. 1. Теоретическая модель предполагаемой связи характеристик университетов и моделей политики адаптации иностранных студентов / Fig. 1. A theoretical model of the proposed relationship between university characteristics and patterns of international student adaptation policy

Источник: рис. 1–3 составлены авторами.

Таким образом, предлагаемая теоретическая модель (рис. 1) подразумевает, что наблюдаемая конфигурация практик адаптации – модель политики – формируется под воздействием трех групп факторов: организационно-управленческих характеристик международной деятельности, ресурсных параметров и профиля университета. Эмпирическая часть исследования направлена на выявление типичных моделей политики адаптации и оценку значимости названных факторов как предикторов вариации моделей.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в проверке данной модели и ее уточнении по результатам анализа эмпирических данных. В российском академическом поле до сих пор не было представлено комплексных сравнительно-ориентированных исследований региональных российских университетов, посвященных поиску и фиксации моделей политики адаптации иностранных студентов, а также тестированию характеристик университетов как предикторов имплементации тех или иных моделей. В данной связи проявляется научная значимость исследования: оно вносит вклад во фрагментированное предметное поле изучения роли университетов в процессах адаптации иностранных граждан в Российской Федерации. Результаты могут быть учтены в локальных политико-административных практиках в работе с иностранными студентами, что, в свою очередь, свидетельствует о практической значимости представленного исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборочная совокупность

Выборочная совокупность региональных университетов была сформирована в несколько последовательных шагов. Во-первых, по материалам Минобрнауки России были отобраны субъекты Российской Федерации, сходные с Пермским краем по структуре образовательной иммиграции (Туркменистан,

Китай, Индия, страны Большого Ближнего Востока и Центральной Азии). В выборку из 17 регионов попали Алтайский край, Волгоградская, Кемеровская области, Краснодарский, Красноярский края, Нижегородская, Пензенская области, Пермский край, Республика Татарстан, Ростовская, Самарская, Саратовская, Свердловская области, Ставропольский край, Томская область, Удмуртская Республика, Челябинская область (2 республики, 5 краев, 10 областей). Во-вторых, в указанных регионах были отобраны крупнейшие по численности иностранного контингента вузы, которые представляют разные профили/специализации (классические, технические, педагогические и медицинские университеты). В-третьих, была осуществлена валидация доступных и открытых для анализа данных, после чего был сформирован окончательный список университетов, попадающих в выборку. В итоге выборочную совокупность составили 52 региональных университета: 18 классических, 15 технических, 12 медицинских и 7 педагогических.

Обоснование выборочной совокупности обусловлено несколькими причинами. Во-первых, исследовательский фокус на региональных университетах требует исключения из выборочной совокупности столичных университетов. Во-вторых, структура иностранной образовательной иммиграции (кто и из каких государств приезжает для обучения) в российских субъектах весьма вариативна и многообразна, что ограничивает использование компаративистской логики по всей генеральной совокупности. Именно для преодоления подобного ограничения и была сформирована подвыборка из регионов, сходных по структуре образовательной иммиграции (таким образом контролировалась данная контекстуальная переменная).

База данных

Для анализа была сформирована база данных региональных университетов (52 единицы наблюдения), состоящая из трех блоков переменных. Первый блок – *структурные/ресурсные характеристики вузов*: общий контингент студентов (численность, доли, распределение по направлениям и формату подготовки); контингент иностранных студентов (численность, доли, распределение по критерию гражданства); средний балл ЕГЭ, объемы и распределение доходов (в том числе из иностранных источников); характеристики международной академической активности (академическая мобильность, программы двойного диплома); трудовые ресурсы (количество работников, количество профессорско-преподавательского состава (ППС), количество иностранных работников, средняя заработная плата); обеспеченность общежитиями (площадь общежития и доля студентов без мест в общежитиях) и др.

Второй блок – *система управления международной деятельностью*: наличие международного департамента, уровень международного департамента (управление/отдел), наличие специального факультета иностранных студентов, наличие подготовительного отделения для иностранных граждан, курирующий проректор.

Третий блок – *распределение реализуемых в университетах практик адаптации по сферам адаптации*: количество и доли практик по сферам адаптации (языковая, образовательная, социокультурная, психологическая, бытовая,

административная, институциональная), нормализованные для сравнительной перспективы. Блоки переменных анализа сконструированы на основании теоретической модели (см. рис. 1). Конкретные переменные анализа выбраны на основании доступных данных (например, по официальным отчетам ВПО-1, ВПО-2 российских университетов доступно ограниченное количество характеристик, которые подпадают под требуемые аналитические категории/блоки).

Эмпирические данные

Для формирования первых двух блоков переменных были использованы открытые данные официальных сайтов университетов, данные Минобрнауки России (в том числе отчеты ВПО-1, ВПО-2), официального мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования⁵ и Центра институционального анализа науки и образования (Губа и Кучаков, 2025). Данные по характеристикам университетов, которые в целом устойчивы и ненадежны в среднесрочной перспективе, были собраны за 2024 календарный год, поскольку так они корреспондировали с периодом данных по адаптационным практикам (2023–2025 годы). Для формирования третьего блока переменных (практики адаптации) использовались материалы официальных социальных медиа университетов, собранные посредством информационной системы «Медиалогия» (материалы с 2023 по 2025 год). Всего было собрано и проверено 3 116 релевантных наблюдений, относящихся к практикам адаптации иностранных студентов в университетах, и каждое наблюдение отнесено к той или иной сфере адаптации; затем данные были агрегированы и нормализованы, то есть переформатированы в долевые показатели, по университетам. Таким образом, по каждому университету была представлена информация о проводимых в 2023–2025 годах практиках адаптации, распределенных по сферам адаптации в долевом изложении. Под моделью политики адаптации иностранных студентов, напомним, нами понимается конкретная конфигурация практик адаптации из разных сфер адаптации.

Существенное ограничение источниковой базы состоит в том, что данные, собранные посредством информационной системы «Медиалогия», являются неполной репрезентацией практик адаптации, реализуемых российскими университетами. Допущение исследования состоит в том, что репрезентация коррелирует с реальными практиками адаптации⁶. Иными словами, предполагается, что публикации в информационном пространстве соответствуют реализуемым практикам адаптации. В таких условиях низкие показатели по отдельным сферам адаптации (например, бытовой или администра-

⁵ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // ГИВЦ РТУ МИРЭА. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 02.11.2025).

⁶ Косвенным подтверждением этого является то, что по результатам проведенных тестов не удалось обнаружить никаких значимых связей медийной активности в отношении практик адаптации с другими характеристиками вузов. Например, отсутствует статистическая связь с размерами вузов (доходы, количество студентов и работников), которые гипотетически могли бы повлиять на уровень медийной активности в ресурсном измерении.

тивной – см. табл. 1) не означают обязательного отсутствия таких практик (региональные университеты могут реализовывать практики адаптации в отношении условий проживания иностранных студентов, но не отражать их в информационном пространстве). Тем не менее использование таких эмпирических данных вполне обосновано и последовательно с учетом нескольких замечаний. Во-первых, это практически единственный способ получить большие данные по практикам адаптации большого количества университетов для проведения количественных исследований. Во-вторых, поскольку такое ограничение в равной степени релевантно для всех случаев выборочной совокупности, оно не ставит под сомнение использование компаративистской логики исследования (и не сильно искажает генеральные результаты работы). Также можно отметить, что наблюдаемое преобладание практик адаптации из языковой и образовательной сфер (табл. 1) в целом хорошо соотносится с результатами других качественных исследований.

Таблица 1 / Table 1

**Дескриптивная статистика практик адаптации региональных университетов /
Descriptive statistics of regional universities' adaptation practices**

Практики адаптации по сферам	Среднее значение	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка
Языковая сфера (%)	14,10	15,435	2,140
Бытовая сфера (%)	4,71	4,860	0,674
Образовательная сфера (%)	17,04	14,152	1,962
Психологическая сфера (%)	2,67	2,826	0,392
Административная сфера (%)	6,81	5,573	0,773
Институциональная сфера (%)	2,50	2,437	0,338
Социокультурная сфера (%)	11,25	10,445	1,448
Практики адаптации (кол.)	59,08	42,972	5,959

Примечание: количество наблюдений (университетов) – 52. В таблице представлены средние долевые значения практик по конкретным сферам адаптации в общем массиве практик адаптации и общее среднее количество практик адаптации.

Источник: табл. 1–5 рассчитаны и составлены авторами.

Методы исследования

Основным аналитическим методом выступил сравнительный анализ (large-N). В качестве методов анализа данных использованы методы дескриптивной статистики, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), кластерный анализ (по методике k-means), дисперсионный статистический анализ (по методике Уэлча) и анализ связи непараметрических переменных (по методике хи-квадрат). Выбор указанных методов обусловлен прежде всего форматом доступных эмпирических данных. Неиерархический кластерный анализ (по методике k-means) выбран для формирования типичных моделей политики адаптации региональных университетов, поскольку данные

по сферам политики адаптации представлены в нормализованном виде в долевым изложении (использование кластерного анализа иерархического типа в данном случае было бы неверным; использование двухэтапного алгоритма или гибридных форматов кластеризации не имеет смысла ввиду ограниченного числа наблюдений). Для тестирования связи моделей политики адаптации (полиномиальная категориальная переменная) и характеристик университетов выбирались методы в соответствии с типом данных: оценка связи непараметрических переменных (методика хи-квадрат) была уместна для анализа связи с характеристиками системы управления интернационализацией и специализацией университетов (как категориальными переменными); дисперсионный статистический анализ (по методике Уэлча) закономерен для анализа связи моделей политики адаптации с ресурсными и структурными характеристиками (интервальными/численными переменными). Корреляционный статистический анализ и методы дескриптивной статистики привлекались для первичного анализа характеристик университетов, представленных в числовом формате.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Модели политики адаптации в региональных университетах: кластерный анализ

Для определения моделей политики адаптации в отношении иностранных студентов среди региональных университетов был проведен кластерный анализ (по методике k-means) по сферам адаптации (языковая, образовательная, социокультурная, психологическая, бытовая, административная, институциональная). Выбор обозначенной процедуры обусловлен равнозначными типами признаков объектов сравнения (сферы адаптации), типом данных (стандартизированные численные переменные в долевым выражении), а также количеством наблюдений (52 единицы)⁷. Оптимальное количество кластеров составило 5 (статистика разрыва/gap statistics – 0,325). Для оценки устойчивости полученного кластерного решения использовалась стандартная процедура многократных запусков алгоритма k-means с различными начальными значениями центроидов, что подтвердило воспроизводимость распределения университетов по кластерам. Сформированные кластеры с распределением практик в долевым выражении по сферам адаптации указаны в таблице 2.

⁷ Иерархические типы кластерного анализа более уместны для осмысления небольшого количества наблюдений при анализе вариативных типов признаков, выраженных в разных типах переменных (биномиальные, категориальные, численные). Двухэтапная кластеризация или гибридные форматы кластеризации не использовались, поскольку требуют большого количества наблюдений и обращение к ним в текущем исследовательском дизайне было бы неэкономно.

**Кластеры региональных университетов по моделям политики адаптации /
Regional universities' adaptation policy clusters**

Сфера адаптации	Среднее по выборке	Кластер				
		1	2	3	4	5
Языковая сфера	0,1410	0,412	0,208	0,254	0,125	0,120
Бытовая сфера	0,0471	0,064	0,065	0,060	0,081	0,196
Образовательная сфера	0,1704	0,173	0,216	0,288	0,524	0,249
Психологическая сфера	0,0267	0,036	0,044	0,029	0,059	0,075
Административная сфера	0,0681	0,075	0,110	0,173	0,103	0,136
Институциональная сфера	0,0250	0,038	0,050	0,068	0,016	0,043
Социокультурная сфера	0,1125	0,201	0,308	0,127	0,092	0,182
Количество университетов	52	9	12	12	11	8

Примечание: полужирным шрифтом выделены ключевые для каждого кластера сферы⁸.

Кластер 1. Языковая модель. Первый кластер составляют 9 региональных университетов. В данной модели наблюдается доминирование практик адаптации языковой сферы: среднее значение по кластеру – 41,2 %, что существенно превышает средние значения по другим кластерам. Значительное внимание университеты данного кластера уделяют также социокультурной (20,1 %) и образовательной (17,3 %) сферам адаптации иностранных мигрантов. Остальные сферы – бытовая, психологическая, административная и институциональная – более маргинализированы.

Кластер 2. Социокультурная модель. Второй кластер составляют 12 университетов (наряду с третьим кластером этот – самый многочисленный). Вузы данного кластера уделяют внимание практикам адаптации социокультурной сферы (среднее значение по кластеру – 30,8 %), но также «не забывают» про образовательные (21,6 %) и языковые (20,8 %). При этом, как и в первом кластере, остальные сферы, за исключением административной (11,0 %), не столь выражены в данной модели адаптации.

Кластер 3. Сбалансированная модель. Региональные вузы, составляющие третий кластер (12 ед.), преимущественно реализуют практики адаптации в образовательной (28,8 %) и языковой (25,4 %) сферах, что роднит их с университетами первых двух кластеров. Вместе с тем именно в данном кластере наблюдается наивысшая доля административной (17,3 %) и институциональной (6,8 %) сфер адаптации, что позволяет именовать данную модель сбалансированной.

⁸ Интерпретация кластеров как моделей политики основывалась на сравнении средних по кластеру со средними по всей выборке. Например, для кластера 1 «Языковая модель» среднее значение практик языковой сферы (41,2 %) не просто выше, чем в других кластерах, но и более чем в 2,9 раза превышает среднее по всей выборке (14,1 %), что делает данный пик статистически и содержательно уникальным. Аналогичная логика была применена для идентификации всех пяти моделей. Таким образом, содержательные названия кластеров отражают статистически значимые и качественно специфичные отклонения профиля практик от усредненного портрета университета в выборке.

Кластер 4. Образовательная модель. Четвертый кластер представляют 11 региональных университетов. Среди них наблюдается крайне высокая доля имплементации адаптационных практик образовательной сферы (более половины всех практик в среднем по кластеру – 52,4 %). «Сопровождающими» выступают практики адаптации языковой (12,5 %), административной (10,3 %) и социокультурной (9,2 %) сфер.

Кластер 5. Бытовая модель. Наименее многочисленный кластер (8 университетов) демонстрирует модель политики адаптации, где значительную роль играет бытовая сфера (среднее значение по кластеру – 19,6 %). Несмотря на то, что здесь также наблюдается высокая доля имплементации образовательных (24,9 %) и социокультурных (18,2 %) практик, именно бытовая сфера значительно выделяет данную модель среди всех остальных.

Выделенные модели политики адаптации иностранных студентов, основанные на усредненном распределении имплементируемых практик по сферам адаптации, являются идеально-типическими. В каждом конкретном региональном университете (даже внутри одного кластера) могут встречаться разные конфигурации практик, отличные от выделенных моделей. Наименования представленных моделей являются номинальными и служат инструментом классификации, а не нормативной оценкой эффективности. Подобное моделирование неизбежно порождает упрощения, однако позволяет обобщать фрагментированную картину политик адаптации региональных университетов, особенно для инструментальных исследовательских целей.

Факторы моделей политики адаптации региональных университетов

Теоретическая модель исследования предполагает наличие влияния характеристик региональных университетов – специализации, систем управления международной деятельностью, структурных и ресурсных признаков, – на вариацию моделей политики адаптации иностранных студентов. Значимы ли конфигурации систем управления международной деятельностью университетов и их структурные/ресурсные характеристики в реализации той или иной модели политики адаптации? Иными словами, выступают ли административные, институциональные и ресурсные характеристики вузов факторами реализации различных моделей адаптационных практик в отношении иностранных обучающихся? Для ответа на эти вопросы был проведен ряд статистических тестов для оценки характера связи между переменными.

Системы управления международной деятельностью. В большинстве региональных университетов (94,23 %) функционирует структурное подразделение, ответственное за международную деятельность. Эти структурные подразделения с точки зрения административного уровня представлены как управлениями (33 из 49), так и отделами (16 из 49). Важно отметить, что управления международных связей встречаются чаще в университетах технической (73,4 %) и классической (72,7 %) специализации, тогда как в педагогических университетах чаще функционируют именно отделы (57,3 %). В медицинских университетах встречается в равной степени и та, и другая форма организации международных департаментов.

Международной деятельностью в вузах руководят как специальный выделенный проректор (38,4 %), так и непрофильные проректоры (по учеб-

ной работе – 13,4 %, по научной работе – 11,5 %, по общим вопросам – 5,7 %, по молодежной политике – 3,8 %). Еще в 26,9 % случаев международная деятельность напрямую подчинена ректору. В классических университетах политику интернационализации возглавляет, как правило, проректор по международной деятельности (56,4 %) или ректор (28,2 %); в технических университетах, наоборот, руководство в этой области чаще осуществляет ректор (47,5 %). В медицинских университетах наблюдается более выраженная вариация: международную деятельность возглавляют разные проректоры, включая специального проректора (33,3 %) и проректора по учебной работе (25,3 %). В педагогических университетах довольно часто руководство международной политикой остается в ведении проректора по общим вопросам (29,4 %) или проректора по научной работе (29,4 %), что не является типичным для вузов другой специализации.

В большинстве исследуемых региональных университетов (42 из 52) нет специального выделенного факультета для иностранных студентов. Такой факультет чаще всего имеется в медицинских (42,3 %) и технических (27,4 %) университетах, тогда как внутри классических университетов его практически нет. Наблюдается статистически значимая связь между специализацией университетов и функционированием в них отдельных факультетов для иностранных студентов (значение хи-квадрата принимает 8,82 при уровне статистической значимости 0,03). Напротив, подготовительное отделение для иностранных граждан, где организованы курсы русского языка, функционирует в 65,8 % университетов – чаще в классических (83,7 %) и педагогических (71,2 %), тогда как в технических и медицинских вузах встречается несколько реже (в каждом втором случае).

Таблица 3 / Table 3

Результаты анализа связи моделей политики адаптации и системных характеристик университетов по методу анализа непараметрических переменных хи-квадрат /
Results of the analysis of the relationship between adaptation models
and systemic characteristics of universities using the Chi-Square method

Система управления международной деятельностью	Количество наблюдений	Значение χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
Наличие международного департамента	52	4,48	4	0,345
Уровень международного департамента	52	12,80	8	0,118
Наличие факультета иностранных граждан	52	3,14	4	0,535
Наличие подготовительного факультета	52	4,99	4	0,288
Курирующий проректор	52	20,40	20	0,431
Специализация университета	52	33,0	12	0,001

Примечание: в табл. 3–5 полужирным шрифтом выделены статистически значимые характеристики.

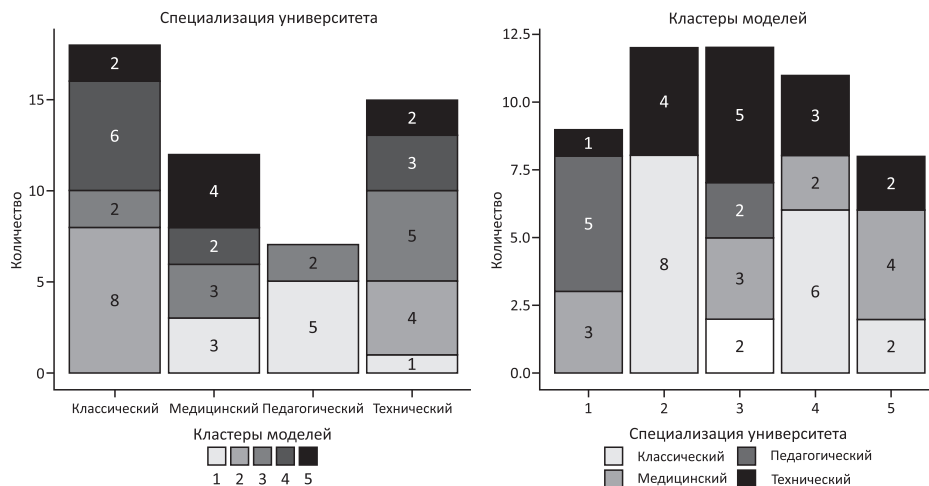

Рис. 2. Распределение региональных университетов по кластерам моделей адаптационной политики и специализации университета / Fig. 2. Distribution of regional universities by clusters of adaptation policy models and university profiles

Результаты количественного анализа демонстрируют отсутствие статистически значимой связи между моделями политики адаптации иностранных студентов и системами управления интернационализацией в региональных университетах по большинству переменных (табл. 3). Наличие или отсутствие в структуре университета международного департамента, а также административный уровень такового (отдел или управление) никак не влияют на реализацию модели адаптационной политики. Функционирование специализированного факультета для иностранных граждан (то есть наличие централизованной образовательной единицы) не предопределяет обязательную имплементацию образовательной модели адаптации (хотя такие ожидания могут быть вполне оправданными). То же касается и подготовительного отделения для иностранных граждан, где обучают русскому языку как иностранному: наличие такого структурного подразделения не означает доминирования языковой сферы адаптации (и языковой модели соответственно). Вместе с тем для модели политики адаптации иностранцев оказывается неважным, какой именно проректор (по учебной, научной, молодежной или международной деятельности) осуществляет руководство политикой интернационализации.

Отсутствие связи между системами управления интернационализацией и наблюдаемыми моделями политики адаптации в региональных университетах, тем не менее, не говорит напрямую об административной изолированности данных областей друг от друга. Во-первых, такое положение дел может свидетельствовать о том, что адаптация иностранных обучающихся просто не является одним из приоритетных направлений политики интернационализации в российских университетах. Во-вторых, адаптационные практики и мероприятия могут быть организованы и реализованы рядовыми работниками университетов – членами ППС, волонтерами, тьюторами, – которые формально могут не являться сотрудниками международных подразделений.

Разрыв между централизованным управлением международной деятельностью и децентрализованными практиками адаптации иностранных студентов, реализующимися на локальном административном уровне, может свидетельствовать не об отсутствии четкой стратегии адаптационной политики, но о функциональной дифференциации внутри университетов.

Специализация/профиль университетов как значимый фактор. Вместе с тем результаты анализа позволяют зафиксировать наличие устойчивой связи между моделью политики адаптации и специализацией региональных университетов (значение хи-квадрата 33,0 при пороговом значении 26,2 для степени свободы 12). Подобные результаты демонстрируют, что определенные адаптационные модели можно с большей степенью вероятности встретить в университетах конкретной специализации. На рисунке 2 представлено распределение анализируемых региональных университетов по моделям политики адаптации (кластерам) и специализации. В классических университетах чаще встречаются социокультурная (44,4 %) и образовательная модели (33,3 %), тогда как языковая модель не представлена совсем. Педагогические университеты, напротив, чаще всего реализуют именно языковую модель адаптации (71,4 %). В технических вузах наиболее популярной адаптационной моделью является сбалансированная (33,3 %), но и альтернативные модели встречаются с высокой частотностью. В медицинских университетах наиболее вероятная модель – бытовая (33,3 %), но распространены также и другие модели.

Самая популярная модель – социокультурная – встречается исключительно в классических (66,6 %) и технических (33,3 %) университетах. Образовательная модель политики адаптации реализуется преимущественно классическими вузами (54,5 %), а также техническими (27,2 %) и медицинскими (18,1 %) организациями. Языковая адаптационная модель чаще (хотя и не исключительно) наблюдается в педагогических университетах (62,5 %), а бытовая – в медицинских (50,0 %). Сбалансированная модель, где весомая доля практик образовательной и языковой адаптации сопровождается институциональными и административными мерами, распределена между всеми профилями университетов с небольшим уклоном в сторону технических вузов (41,6 %).

Важно также, что со специализацией университета связаны не только модели адаптации, но и интенсивность адаптационных мероприятий и мер. Средние показатели по количеству практик адаптации среди классических, педагогических и медицинских университетов колеблются от 63,7 до 68,1, тогда как среди технических университетов данный показатель существенно ниже (41,7). Иными словами, технические университеты реализуют в целом меньшее количество практик адаптации (вне зависимости от модели адаптационной политики) по сравнению с другими университетами.

Структурные и ресурсные характеристики университетов как значимые условия. В классических университетах обучается в среднем большее количество иностранных студентов (1 989 человек), чем в медицинских и технических (1 167 и 1 127 соответственно). При этом медицинские университеты выгодно отличаются именно долей иностранных студентов в общем контингенте учащихся (в среднем 17,4 %, тогда как в других университетах средняя

доля не превышает 10,0 %). В медицинских вузах чаще обучаются студенты из дальнего зарубежья (их доля в среднем составляет 11,1 % от общего контингента), тогда как в классических и технических чаще можно обнаружить граждан стран СНГ (7,4 и 8,1 % от общего контингента соответственно).

Классические университеты в целом крупнее (в среднем 20 192 студента), более обеспечены финансовыми, трудовыми ресурсами (в среднем 2 851 работник, в числе которых 1 127 членов ППС) и инфраструктурными мощностями (площадь общежитий в среднем составляет 103 207 кв. м). Второе место по структурным и ресурсным характеристикам занимают технические университеты, средние показатели которых следующие: 12 728 студентов, 1 843 работника, 651 член ППС, площадь общежитий 46 495 кв. м. Третью позицию по данным показателям занимают обычно университеты педагогического профиля.

Важно отметить, что медицинские университеты выгодно отличаются по ряду показателей. Средняя заработная плата работников медицинских вузов находится на уровне 120 тыс. рублей и превышает показатели университетов других профилей. Значительно отличается здесь и уровень дохода в перерасчете на количество студентов: 489 тыс. рублей против 424 тыс. рублей в технических, 355 тыс. в классических и 259 тыс. в педагогических вузах. С точки зрения доходов, получаемых от иностранных граждан, помимо классических университетов (239 625 тыс. рублей в среднем) также выделяются медицинские (176 030 тыс. рублей в среднем).

Результаты дисперсионного статистического анализа показывают наличие статистически значимой связи моделей политики адаптации иностранных студентов с отдельными структурными и ресурсными характеристиками региональных университетов (табл. 4). Среди таких переменных, которые можно осторожно интерпретировать в качестве предикторов, необходимо отметить следующие: общее количество иностранных студентов (5,539 при уровне значимости 0,003); доля иностранных студентов из стран СНГ (4,966 при уровне значимости 0,006); общее количество студентов (6,627 при уровне значимости 0,001); общие доходы (3,725 при уровне значимости 0,019); общее количество работников (9,328 при уровне значимости 0,001) и количество членов ППС (6,470 при уровне значимости 0,002), а также общая площадь общежитий для размещения студентов (3,582 при уровне значимости 0,024).

Общие ресурсные характеристики региональных университетов (иностранный контингент, общий контингент, общие доходы университета, количество работников и ППС), таким образом, связаны с моделями политики адаптации иностранных студентов. При этом данные ресурсные переменные статистически значимо связаны и со специализацией университета, что подтверждают результаты дополнительных тестов дисперсионного статистического анализа. В связи с этим можно предположить, что модели политики адаптации связаны с ресурсными и структурными характеристиками университетов не напрямую, а опосредованно, через профиль университетов. Классические, технические, медицинские и педагогические университеты в целом отличаются по структурным, ресурсным и инфраструктурным параметрам, а потому эти переменные оказываются значимыми и для модели политики

Таблица 4 / Table 4

**Результаты дисперсионного статистического анализа связи моделей адаптации
и структурных характеристик региональных университетов по методу Уэлча /
Results of ANOVA (Welch method) of the relationship between adaptation models
and structural characteristics of regional universities**

Блок характеристик	Характеристика университетов	F-статистика	Степень свободы	Уровень значимости
Контингент иностранных студентов	Иностранные студенты: общее количество	5,539	4	0,003
	Иностранные студенты: доля	1,436	4	0,225
	Иностранные студенты: доля студентов из стран СНГ	4,966	4	0,006
Контингент всех студентов	Студенты: общее количество	6,627	4	0,001
	Студенты: доля студентов магистратуры	2,921	4	0,045
	Студенты: доля студентов очной формы	2,409	4	0,079
Финансы	Доходы университета: общий объем	3,725	4	0,019
	Доходы университета: иностранные источники	2,504	4	0,073
	Доходы университета: внебюджетные источники	2,068	4	0,121
Персонал	Работники: общее количество	9,328	4	0,001
	Работники: количество ППС	6,470	4	0,002
	Работники: доля иностранных граждан	2,745	4	0,057
Инфраструктура	Общежития: общая площадь	3,582	4	0,024

адаптации. Заметим еще, что специализация университетов и их ресурсные характеристики «работают» на вариацию моделей адаптационной политики вместе.

Стратегии интернационализации региональных университетов. Вне зависимости от системы управления международной деятельностью региональные университеты по-разному подходят к вопросу институционализации политики интернационализации. Большинство рассматриваемых университетов (27 из 47⁹) в собственных стратегиях уделяют международной деятельности должное внимание и фиксируют целевые показатели 2030 года по иностранным студентам и другим индикаторам международной активности. Университеты, в стратегиях которых есть сформулированная политика интернационализации, существенно отличаются от университетов без таких

⁹ Актуальные и доступные для анализа стратегические документы наблюдаются в 47 из 52 рассматриваемых региональных университетов.

стратегий по общему количеству иностранных студентов (1 614,9 против 1 181,3) и незначительно по их доле в общем контингенте и запланированной доле роста иностранного контингента к 2030 году (табл. 5). С точки зрения предмета исследования немаловажно отметить, что университеты со стратегией интернационализации в целом реализуют количественно больше практик адаптации в отношении иностранных студентов (82,1 против 45,3 по средним показателям).

Таблица 5 / Table 5

Дескриптивная статистика отдельных показателей иностранных студентов и количества практик адаптации по университетам; критерий – наличие стратегии интернационализации
/ Descriptive statistics of selected indicators of international students and the number of adaptation practices by university; criterion – presence of an internationalisation strategy

Показатели	Наличие стратегии	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка
Количество практик адаптации	Отсутствие	20	45,30	23,742	4,5691
	Наличие	27	82,10	56,473	12,6279
Иностранные студенты: количество на 2024 год	Отсутствие	20	1 181,30	891,518	171,5728
	Наличие	27	1 614,90	1 595,616	356,7906
Иностранные студенты: доля на 2024 год	Отсутствие	20	10,22	8,215	1,5809
	Наличие	27	9,46	5,438	1,2160
Иностранные студенты к 2030 году: доля	Отсутствие	18	12,89	7,698	1,5713
	Наличие	24	12,50	6,267	1,4770
Рост доли иностранных студентов к 2030 году	Отсутствие	18	1,48	0,498	0,1017
	Наличие	24	1,40	0,381	0,0898

Вместе с тем запланированная к 2030 году доля иностранных студентов сильно коррелирует с показателями по иностранным студентам за 2024 год: общим количеством (коэффициент корреляции Пирсона 0,714 при уровне статистической значимости 0,001) и долей (коэффициент корреляции Пирсона 0,892 при уровне статистической значимости 0,001). Это свидетельствует о том, что в среднем по выборке амбиции университетов по показателю иностранных студентов сильно и положительно связаны с их текущим состоянием. Исключение здесь составляют только университеты медицинской направленности, среди которых коэффициент роста доли иностранных студентов к 2030 году составляет 1,01, то есть рост на 1 % (для сравнения технические – 1,41; педагогические – 1,55; классические – 1,57). Это вполне можно объяснить тем, что медицинские вузы достигли некоторого ресурсного ограничения («потолка»): доля иностранцев в общем контингенте в среднем у них уже составляет 17,4 %, что в два раза больше по сравнению с техническими и классическими учреждениями и в четыре – по сравнению с педагогическими.

Данный дескриптивный анализ университетов по критерию стратегии интернационализации позволяет предположить следующую связь, направленность которой, однако, не может быть установлена однозначно. Более крупные и ресурсные университеты с большим количеством иностранных обучающихся чаще других разрабатывают и утверждают стратегии интернационализации, то есть стратегически планируют международную деятельность, в том числе определяя амбиции по дальнейшему привлечению и сопровождению иностранных студентов. Наличие такого стратегического видения со стороны руководства университетов, в свою очередь, связано с большей интенсивностью адаптационных мер в отношении иностранных студентов (но, что примечательно, не с моделями политики адаптации). Это может говорить о функциональном разделении внутри университетов: централизованная система управления интернационализацией (международные департаменты, специальные проректоры, факультеты иностранных студентов) занимается целеполаганием и устанавливает целевые ориентиры (в том числе по адаптационной деятельности), в то время как настройка моделей политики адаптации и реализация конкретных адаптационных мероприятий протекает децентрализованно на локальном уровне (усилиями рядовых работников, тьюторов, волонтеров, преподавателей).

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило зафиксировать значительную вариативность политики адаптации иностранных студентов в региональных российских университетах и выделить пять эмпирически различных моделей: языковую, социокультурную, сбалансированную, образовательную и бытовую. Каждая из них представляет собой усредненный профиль конфигураций практик по семи сферам адаптации и отражает устойчивые различия в том, как университеты выстраивают сопровождение иностранных учащихся.

Анализ связей характеристик университетов с этими моделями дал неочевидные, но теоретически значимые результаты. Во-первых, обнаружена статистически значимая связь между моделью политики адаптации и специализацией (профилем) университета. Классические, технические, медицинские и педагогические вузы с разной вероятностью реализуют ту или иную модель, что подтверждает представление о профиле как важном структурном предикторе. Во-вторых, с моделями адаптации устойчиво коррелирует ряд ресурсных характеристик – общий и иностранный контингент, доходы, численность персонала, площадь общежитий, – однако их влияние, по-видимому, является опосредованным: сами эти ресурсные параметры тесно связаны с профилем университета. Таким образом, специализация и ресурсы действуют совместно, взаимно усиливая друг друга, и образуют структурную основу, на которой складываются типичные практики адаптации.

В-третьих, вопреки ожиданиям формальная система управления международной деятельностью – наличие или уровень международного департамента, тип курирующего проректора, существование факультета иностранных студентов или подготовительного отделения – не продемонстри-

рвала статистически значимой связи с моделью адаптационной политики. Это свидетельствует о том, что наличие централизованных административных структур само по себе не диктует содержание адаптационной политики. А следовательно, модель адаптации не может быть выведена напрямую из организационной структуры управления интернационализацией. Одновременно было установлено, что наличие у университета стратегии интернационализации как документально зафиксированного стратегического видения сопряжено с существенно более высокой интенсивностью адаптационных мероприятий. Иными словами, централизованное стратегическое целеполагание, инициируемое руководством, явным образом связано с масштабом адаптационной деятельности, но не с ее содержательной конфигурацией.

Эти эмпирические наблюдения позволяют реконструировать модель наблюдаемой связи характеристик университетов и моделей политики адаптации иностранных студентов (рис. 3). Эта модель остается гипотетической, требует дальнейшего уточнения и конкретизации, но она позволяет, пусть и в первом приближении, адекватно представить возможные механизмы связей, обнаруженные на эмпирическом уровне. Данная модель дает понимание того, что политика адаптации – не результат простого линейного административного решения, но формируется под комплексным влиянием двух сил, опосредованных внутренним функциональным разделением.

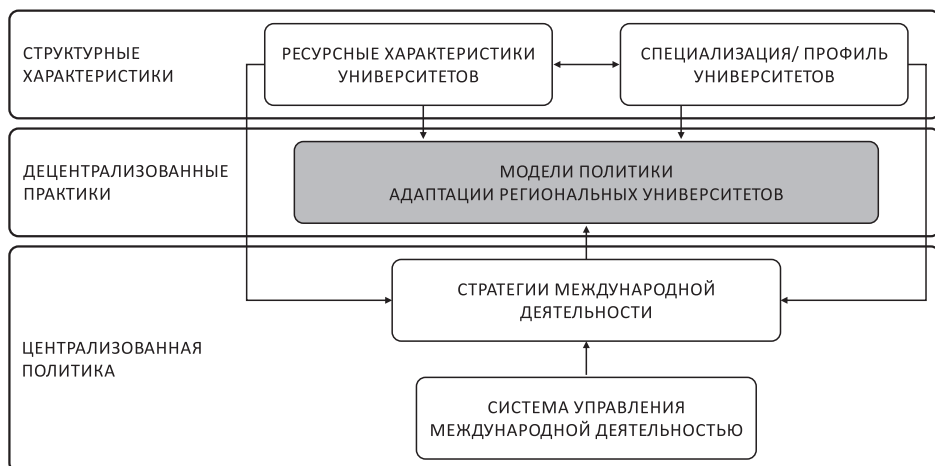

Рис. 3. Модель наблюдаемой связи характеристик университетов и моделей политики адаптации иностранных студентов / Fig. 3. A model of the observed relationship between university characteristics and patterns of international student adaptation policy

С одной стороны, на конфигурацию адаптационных практик в данной теоретической модели решающее воздействие оказывают структурные характеристики университета – его профиль и ресурсные параметры. Профиль (классический, технический, медицинский, педагогический) задает исторически сложившиеся каналы привлечения иностранных студентов, доминирующие направления подготовки и многолетние традиции работы с определенными группами учащихся. Ресурсные характеристики (размер вуза, доходы, инфраструктура) определяют материальные и кадровые возможности для реализа-

ции тех или иных практик. При этом профиль и ресурсы не действуют изолированно: профиль во многом предопределяет ресурсную базу (например, медицинские вузы имеют более высокий доход на студента и иную структуру контингента), а ресурсы закрепляют и усиливают профильные траектории адаптации. Именно эта взаимозависимость объясняет, почему и ресурсы, и специализация по отдельности оказываются значимыми, но именно профиль университета выступает наиболее устойчивым предиктором.

С другой стороны, эта теоретическая модель предполагает, что на адаптационную активность воздействует централизованная политика, проводимая руководством университета и связанная со стратегическим видением интернализации. Это стратегическое видение, оформленное в программах развития и стратегиях, определяет амбиции по привлечению иностранных студентов и общие ориентиры, в том числе в области их сопровождения. Стратегии интернационализации, как показывают данные, сами зависят от ресурсных и профильных характеристик: более крупные и обеспеченные вузы, уже имеющие значительный иностранный контингент, чаще принимают такие документы и утверждают более высокие целевые показатели (хотя и здесь имеет значение профиль – медицинские явно выделяются как группа). Руководство университетов, таким образом, формирует централизованный запрос на адаптационную деятельность и способствует наращиванию ее интенсивности, однако не переопределяет сложившуюся конкретную модель политики адаптации.

Ключевым механизмом, связывающим эти два вектора, выступает функциональное разделение внутри университета. Централизованная система управления интернационализацией (международные департаменты, профильные проректоры, специализированные факультеты) сосредоточена главным образом на целеполагании, контроле основных показателей и реализации стратегических приоритетов, если они явным образом выражены. Конкретная же настройка адаптационных моделей и непосредственная реализация мероприятий протекают в значительной степени децентрализованно, на локальном уровне – усилиями преподавателей, тьюторов, волонтеров, сотрудников деканатов и общежитий. Локальные акторы, реализующие адаптацию «на земле», в значительной степени зависят не столько от абстрактных стратегических документов, сколько от практик предшествующих периодов (институциональной инерции) и конкретных текущих условий. Эти акторы действуют в плотной ткани предшествующих практик и наличных условий: они опираются на исторически сложившиеся в вузе данного профиля способы работы с иностранными студентами и на те ресурсы, которые доступны. Поэтому формальная структура управления может меняться время от времени или отличаться от вуза к вузу, но конфигурация реальных адаптационных практик сохраняет устойчивость, задаваемую профилем и ресурсной базой, до тех пор, пока не изменятся глубинные структурные условия.

Таким образом, наблюдаемая в исследовании картина – значимость профиля и ресурсов при незначимости формальных управленческих характеристик – объясняется в рамках предлагаемой теоретической модели не отсутствием управления, а именно таким функциональным разделением: централизованное стратегическое руководство задает интенсивность

и общие рамки, а децентрализованная реализация воспроизводит модели, укорененные в профильной и ресурсной специфике университета. Предложенная модель не только интегрирует полученные эмпирические результаты, но и задает направления для дальнейших исследований – в частности, требует более детального изучения характер взаимодействия между уровнями управления и локальными акторами адаптационного процесса, а также проверки устойчивости выделенных моделей при изменении ресурсных условий или государственной политики в сфере экспорта образования.

Формат исследовательской статьи требует заявить и об ограничениях анализа, которые, в свою очередь, сказываются на возможностях распространения результатов исследования на другие кейсы и в других контекстах. Во-первых, выборочная совокупность репрезентирует случаи, в которых наблюдается сходная структура образовательной иммиграции. В данной связи результаты исследования могут быть нерелевантными для регионов и университетов иной иммиграционной специфики (например, для регионов Северного Кавказа, где образовательная иммиграция не столь интенсивна, или для регионов южной Сибири и Дальнего Востока, где доминирующей группой иммигрантов являются граждане Китая и Центральной Азии). Во-вторых, следует иметь в виду, что выделенные модели политики адаптации в региональных университетах являются идеально-типическими. Вместе с тем в каждом конкретном случае могут наблюдаться уникальные конфигурации практик адаптации (модели политики адаптации), которые не вписываются в тот или иной теоретический шаблон. В-третьих, ограничение доступных данных (сбор информации о практиках адаптации осуществлялся через официальные социальные медиа университетов) несет за собой риски потери из поля зрения исследователей отдельных адаптационных практик и/или мероприятий, находящихся за пределами публичного пространства. Наконец, статистические методы анализа данных (и количественная логика анализа в целом) используются авторами инструментально для тестирования ожидаемых предположений и конструирования эмпирически наблюдаемой модели связи характеристик университетов с реализуемыми в них моделями политики адаптации. Уточнение результатов исследования при использовании иных методов (например, другого типа кластерного анализа в применении к другому типу переменных) или в качественной логике может оказаться полезным для развития данного предметного поля.

Список источников

Акрамов Ш. Ю., Блиничкина Н. Ю. Демографическая безопасность в контексте международной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 28–39. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2>. EDN: CESKQP.

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Никольский В. С. и др. Академическая и социокультурная адаптация студентов в вузах России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 12. С. 9–30. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-12-9-30>. EDN: JEGVWY.

Губа К. С., Кучаков Р. К. Мониторинг деятельности организаций высшего образования: панель наблюдений за 2015–2023 гг. // Вопросы образования. 2025. № 1. С. 117–139. <https://doi.org/10.17323/vo-2025-21676>. EDN: LEEUXN.

Данилова Л. Н. Комплексный подход к адаптации иностранных студентов в российских вузах // Журнал прикладных исследований. 2025. № 7. С. 206–218. <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2025.7.7.027>. EDN: UOBSRN.

Егоров А. А. Оценка эффективности деятельности университетов на основе их производственных функций // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 4. С. 87–99. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.04.037>. EDN: ANQUEF.

Егоров А. А., Максимова М. М. Оценка политики слияний университетов в российской системе высшего образования: аналит. докл. М.: Центр перспектив. управленч. решений, 2021. 69 с. EDN: JLCWEA.

Зинченко Д. И., Егоров А. А. Моделирование эффективности российских университетов // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 23, № 1. С. 143–172. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172>. EDN: PUZFFC.

Кашина М. А., Васильева В. А., Ткач С. Россия для иностранных студентов – новая родина или приятные воспоминания? // Высшее образование в России. 2026. Т. 35, № 2. С. 134–156. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2026-35-2-134-156>. EDN: QOBUPK.

Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69>. EDN: RWAPKF.

Меликян А. В. Кластерный анализ российских вузов на основе динамики показателей их деятельности // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 5. С. 58–68. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-58-68>. EDN: FTXJSO.

Меликян А. В. Типология международной образовательной деятельности российских вузов // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 140–150. EDN: XEQCUJ.

Погорельская А. М., Дериглазова Л. В. Экспорт российского высшего образования как услуги: инструменты и промежуточные результаты // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 10. С. 104–125. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-10-104-125>. EDN: QKRNIN.

Agasisti T., Abalmasova E., Shibanova E. et al. The causal impact of performance-based funding on university performance: Quasi-experimental evidence from a policy in Russian higher education // Oxford Economic Papers. 2022. Vol. 74, № 4. P. 1021–1044. <https://doi.org/10.1093/oep/gpab039>. EDN: ZRPHYW.

Agasisti T., Egorov A., Platonova D. et al. Universities' internal governance and their efficiency: Empirical evidence from Russia // International Transactions in Operational Research. 2025. Vol. 32, № 5S. P. 2566–2592. <https://doi.org/10.1111/itor.13462>. EDN: EFRBMC.

Bosswick W., Heckmann F. Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities [Online] // Website of the European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. 2007. 29 Jan. 45 p. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/integration-migrants-contribution-local-and-regional-authorities> (Accessed Oct. 15, 2025).

de Haas H., Castells S., Miller M. J. The age of migration: International population movements in the modern world. 6th ed. New York, London: The Guilford Press, 2020. 443 p.

Esser H. Does the “new” immigration require a “new” theory of intergenerational integration? // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1126–1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>.

Esser H. Migration, language and integration. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WBS), 2006. 132 p.

Penninx R. Integration of migrants: Economic, social, cultural, and political dimensions // *The new demographic regime: Population challenges and policy responses* / Ed. by M. Macura, A. L. MacDonald, W. Haug. New York, Geneva: United Nations, 2005. P. 137–152.

Shenderova S., Morris J., Comai G. Where is Russian higher education? The spatial imaginaries and realities of internationalization policy // *International Journal of Educational Research*. 2026. Vol. 136. Art. № 102860. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2025.102860>. EDN: LFFBHR.

Информация об авторах

М. В. Грабевник – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код (РИНЦ): 2434-3560

AuthorID (РИНЦ): 1022774

Web of Science ResearcherID: G-5572-2018

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код (РИНЦ): 8939-8832

AuthorID (РИНЦ): 165171

Web of Science ResearcherID: N-9455-2018

Scopus Author ID: 57195718203

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

References

Akramov, Sh. Yu. and Blinichkina, N. Yu. (2023), “Demographic security in the context of international migration”, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 3, no. 2, pp. 28–39, <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2>, EDN: CESKQP.

Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E., Nikol'skiy, V. S. et al. (2022), "Academic and sociocultural adaptation of students in Russian universities", *Higher Education in Russia*, vol. 31, no. 12, pp. 9–30, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-12-9-30>, EDN: JEGVWY.

Guba, K. S. and Kuchakov, R. K. (2025), "Monitoring of performance of Russian higher education organizations: Panel data, 2015–2023", *Educational Studies Moscow*, no. 1, pp. 117–139, <https://doi.org/10.17323/vo-2025-21676>, EDN: LEEUXN.

Danilova, L. N. (2025), "A comprehensive approach to adaptation of foreign students in Russian higher education institutions", *Journal of Applied Research*, no. 7, pp. 206–218, <https://doi.org/10.47576/2949-1878.2025.7.7.027>, EDN: UOBSRN.

Egorov, A. A. (2020), "University efficiency evaluation based on educational production functions", *University Management: Practice and Analysis*, 2020, vol. 24, no. 4, pp. 87–99, <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.04.037>, EDN: AHQUEF.

Egorov, A. A. and Maksimova, M. M. (2021), *Otsenka politiki sliyanii universitetov v rossiiskoi sisteme vysshego obrazovaniya: analiticheskii doklad* [Evaluation of the university merger policy in the Russian higher education system: Analytical report], Center for Prospective Management Solutions, Moscow, Russia, EDN: JLCWEA.

Zinchenko, D. I. and Egorov, A. A. (2019), "Efficiency modeling of Russian universities", *HSE Economic Journal*, vol. 23, no. 1, pp. 143–172, <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-1-143-172>, EDN: PUZFFC.

Kashina, M. A., Vasileva V. A. and Tkach, S. (2026), "Is Russia a new homeland or pleasant memories for international students?", *Higher Education in Russia*, vol. 35, no. 2, pp. 134–156, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2026-35-2-134-156>, EDN: QOBUPK.

Kuzminov, Yu. I., Semenov, D. S. and Froumin, I. D. (2013), "University network structure: From the Soviet to the Russian "master plan", *Educational Studies*, no. 4, pp. 8–69, <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-8-69>, EDN: RWAPKF.

Melikyan, A. V. (2016), "Typology and analysis of international educational activity of Russian universities", *Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 140–150, EDN: XEQCUJ.

Melikyan, A. V. (2021), "Cluster analysis of Russian universities based on the dynamics of their performance indicators", *Voprosy Statistiki*, vol. 28, no. 5, pp. 58–68, <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-58-68>, EDN: FTXJSO.

Pogorelskaya, A. M. and Deriglazova, L. V. (2024), "Export of Russian higher education services: Tools and intermediate results", *Higher Education in Russia*, vol. 33, no. 10, pp. 104–125, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-10-104-125>, EDN: QKRNIN.

Agasisti, T., Abalmasova, E., Shibanova, E. et al. (2022), "The causal impact of performance-based funding on university performance: Quasi-experimental evidence from a policy in Russian higher education", *Oxford Economic Papers*, vol. 74, no. 4, pp. 1021–1044, <https://doi.org/10.1093/oep/gpab039>, EDN: ZRPHYW.

Agasisti, T., Egorov, A., Platonova, D. et al. (2025), "Universities' internal governance and their efficiency: Empirical evidence from Russia", *International Transactions in Operational Research*, vol. 32, no. 5S, pp. 2566–2592, <https://doi.org/10.1111/itor.13462>, EDN: EFRBMC.

Bosswick, W. and Heckmann, F. (2007), “Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities”, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 45 p. [Online], available at: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/integration-migrants-contribution-local-and-regional-authorities> (Accessed Oct. 15, 2025).

de Haas, H., Castells, S. and Miller, M. J. (2020), *The age of migration: International population movements in the modern world*, 6th ed., The Guilford Press, New York, NY, US, London, UK.

Esser, H. (2004), “Does the “new” immigration require a “new” theory of intergenerational integration?”, *International Migration Review*, vol. 38, no. 3, pp. 1126–1159, <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>.

Esser, H. (2006), *Migration, language and integration*, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WBS), Berlin, Germany.

Penninx, R. (2005), “Integration of migrants: Economic, social, cultural, and political dimensions”, in Macura, M., MacDonald, A. L. and Haug, W. (eds.), *The New demographic regime: Population challenges and policy responses*, United Nations, New York, NY, US, Geneva, Switzerland, pp. 137–152.

Shenderova, S., Morris, J. and Comai, G. (2026), “Where is Russian higher education? The spatial imaginaries and realities of internationalization policy”, *International Journal of Educational Research*, vol. 136, art. no. 102860, <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2025.102860>, EDN: LFFBHR.

Information about the authors

M. V. Grabevnik – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

SPIN code (RCSI): 2434-3560

Author ID (RCSI): 1022774

Web of Science ResearcherID: G-5572-2018

K. A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Chair of Political Science Department, Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

SPIN code (RSCI): 8939-8832

Author ID (RSCI): 165171

Web of Science ResearcherID: N-9455-2018

Scopus Author ID: 57195718203

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 10.01.2026; approved after reviewing 14.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.